

Вячеслав Ракитянский

НАШИ (рассказ)

<https://litres.ru/74606674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1920 года. Гражданская война. Четверо арестантов ожидают своей участи, оказавшись в плену у красноармейцев: раненый ротмистр, деревенская семейная пара и юный семинарист. Рассказ о жестокости, сострадании и страшном выборе между человеческой совестью, инстинктом самосохранения и революционным долгом. Кто же на самом деле «наши»?

Содержание

Глава 1 и 2	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Вячеслав Ракитянский

НАШИ (рассказ)

Глава 1 и 2

Товарищам по оружию мало что было известно про Лещенко, кроме того, что был он не в пример остальным резок, отважен и даже порою свиреп, но справедлив. Но это касалось боевых качеств комдива, что же до его семьи, любимых довоенных занятий, профессии... тут была зияющая, черная и непролазная тьма. Сам комдив Лещенко не распространялся на этот счёт, а задавать ему вопросы личного характера красноармейцы не решались. Боялись и уважали. Поговаривали только, что жену его и дочку вроде зарубили казаки под Царицыным. Верно это было или болтал народ, как обычно, попусту – не ведал никто. А может, и правдива была эта история, ведь должно же быть хоть какое-то оправдание его угрюмому и всегда суровому виду.

Зайдя со двора, Захарыч не удержал дверь, и её отшвырнуло в сторону, она лишь жалобно взвизгнула железными петлями. В хату тут же вихрем набросало с улицы снежных хлопьев.

В хате заворочались, зашипели бойцы.

— Да закрой же, черт! Надуло уже!

Захарыч чертыхнулся в ответ, нырнул в темноту и потянул дверь на себя, борясь с ветром. Наконец захлопнул и повернул щеколду.

— Метёт? — спросил комдив, хотя и сам видел, что метёт и, скорей всего, будет мести еще всю ночь.

— Метёт, чертяка, — ответил Захарыч.

Он снял папаху, отряхнул снег с хромовых офицерских сапог, снятых давеча с убитого юнкера, и присел на узкую, в одну доску, скамью возле длинного и наспех сколоченного стола. Взярошил слипшиеся под папашой волосы и удивленно, даже лукаво посмотрел на Лещенко из-под пышных седых бровей.

Никогда бы Лещенко не стал спрашивать, метёт ли на улице, если бы сам не видел и не знал, что метёт.

«Видать, устал комдив», — догадался Захарыч, но сам бы ни за что не сказал об этой своей догадке Лещенко. На куски его режь, а не сказал бы.

Видимо, богатая событиями осень и начало зимы были тому причиной. Кровавые и затяжные бои на побережье Азова, сначала Новочеркасск, потом Ростов. А когда Деникин бросил Азовский лагерь и отошел с белоказаками дальше на запад, открылась их взору вся звериная белогвардейская сущность. Кто говорит, семь, а кто десять тысяч наших военнопленных, тифозных, голодных и полумертвых, держали они как скотину. Без пропитания и без ухода. Кто из них выжил,

те рассказывали, что белые хоронили пленных десятками, не разбирая... живых с мертвыми вместе. Так вот с тифом бо-ролись.

Лещенко тогда пленного белоказака насмерть забил, да и бил бы уже и мертвого, кабы не оторвали. Все кулаки до ко-стей себе содрал.

А сейчас сидел Лещенко один за столом, остальные кто вповалку на полу, кто на скамьях спали либо дремали, поса-пывая.

— Ну и погодка, — сказал Захарыч, вовсе не надеясь на ответ.

И, о чудо! Лещенко не только ответил, да еще и повернул-ся к Захарычу, оглядел его по-доброму как-то.

— Да уж, засядем теперь тут до весны, скорей всего.

— Слышь, Лещенко, всё тебя спросить хотел, — осто-рожно начал Захарыч. Говорил старик вполголоса, чтобы не услышал никто. Не за свои расспросы он боялся, за слова комдива, если кто ненароком услышит и потом пойдёт по чужим ушам развешивать.

— Ну... — отозвался комдив.

— Детки есть у тебя?

Спросил и сам как будто стал меньше, скукожился на уз-кой лавке.

— Да вот не нажили мы с Алексеевной детей-то. — Вздох-нул Лещенко. — Не срослось...

Захарыч прищурился, прикурил и затянулся самокрут-

кой. Мелкий огонек дрогнул в темноте и стал наливаясь красным. А старик, выпустив облако густого и едкого дыма, продолжил своё незатейливое дознание:

— Не беда. Наживёте ещё.

— Да нет, Захарыч. Это вряд ли, — ответил командир.

— А чего? Аль не магёт?

— Умерла моя Алексеевна, — коротко ответил Лещенко.

Ему вдруг захотелось рассказать Захарычу и про тиф, и про ужасающий и беспощадный голод, покосившие всю их деревню, но он сдержался и только махнул рукой. Чего такого нового он раскроет Захарычу? Будто кто в этой хате сейчас не видал лиха! Да все они и тиф, и голод, и смерть знали не хуже его, комдива Лещенко. Зря он размяк и дал слабину. К чему выказывать свою боль и слабость, разве поможет это делу? Нет, не поможет. Так нечего и ворошить тогда.

Лицо комдива снова стало непроницаемым, и он уж, скорей всего, и не спросил бы Захарыча, метёт ли на улице, войди тот снова в хату.

Видя, что вытянуть сегодня из Лещенко ничего больше не удастся, Захарыч решил посвятить командира в хитросплетения своей родословной, но они не вызвали живого интереса командира. Из-за болтливости Захарыча подробности эти давно были известны всему полку.

— А у меня сын. Здоровый, наверное, обалдуй уже. Скоро уж ему восьмой год, — задумчиво сказал старик. Помолчал с минуту и спросил:

— А чего там, не слышно, когда домой-то?

Лещенко только плечами пожал. Почесал небритый подбородок и с неохотой ответил:

— Да хер его знает. Деникина сначала разобьём.

— А потом? — не унимался дед.

— Да почём мне знать, Захарыч, что потом! Мировая революция потом, так, наверное.

— Это что ж, опять в ружьё? Когда же я сынка увижу. Да и баба моя одна там. Как она справляется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.